

нѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять его на разсмотрѣніе въ качествѣ магистерской диссертациі“.

Постановили: Представленныя сочиненія передать на разсмотрѣніе—свщ. Г. Ключарева экстраординарному профессору Н. Маккавейскому и доценту В. Рыбинскому, П. Красина—экстраорд. проф. Ѳ. Покровскому и доценту свщ. А. Глаголеву.

VI. Отзывы наставниковъ Академіи о сочиненіяхъ студентовъ IV курса, написанныхъ для полученія ученой степени:

1) О сочиненіи студента Николая *Баженова* на тему: „Ученіе апостола Павла о падшемъ и возрожденномъ состояніи природы человѣка“.

а) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„При написаніи своего сочиненія студентъ Баженовъ пользовался исключительно русскою литературою, главнымъ образомъ толкованіями преосвящ. Ѳеофана, изслѣдованіями проф. Н. Глубоковскаго о благовѣстіи св. апостола. Павла, сочиненіемъ проф. В. Мышцына: „Ученіе св. апостола Павла о законѣ вѣры и законѣ дѣла“; обращался также часто къ твореніямъ отцовъ и учителей Церкви, преимущественно св. І. Златоуста и блж. Ѳеодорита. Сочиненіе написано такъ кратко и сжато, что имѣетъ форму простого конспекта на данную тему. Нужно удивляться, почему авторъ не вошелъ въ довольно подробное изображеніе состоянія іудейства и язычества, по ученію св. Павла, почему не остановился на анализѣ 7 й главы посланія къ Римлянамъ, почему не изяснилъ обстоятельно такихъ мѣстъ, какъ Римл. 5, 12 или Ефес. 2, 3 ст. Тутъ краткость автора ничѣмъ нельзя извинить. Такія понятія, какъ „новый человѣкъ“, „ветхій человѣкъ“, „новая тварь“ и т. п. не получили также надлежащаго выясненія. Иногда привлекаются такіа мѣста, которыя характеризуютъ не падшую природу человѣка, а грѣховное состояніе уже возрожденнаго человѣка. Ученіе ка-

Протоколы.

толиковъ и протестантовъ о падшемъ и возрожденномъ состоянїи природы челоуѣка для автора какъ бы не существуетъ, — нигдѣ въ сочиненїи нѣтъ никакого полемическаго элемента. Вообще, сочиненіе студента Баженова малосодержательное сочиненіе. Но, принимая во вниманіе, что представленный имъ конспектъ написанъ толково, продуманно и довольно складно, обставленъ примѣчаніями, часто не лишенными экзегетическаго интереса, можно признать небольшую работу автора достаточною для полученія степени кандидата“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„По смыслу темы, сочиненіе автора состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части дается сжатое изложеніе ученія ап. Павла о падшемъ состоянїи челоуѣка. Главное слѣдствіе грѣха съ точки зрѣнїя ап. Павла авторъ указываетъ въ разстройствѣ гармонїи, въ которой стояли первоначально духъ и тѣло челоуѣка, когда духъ былъ органомъ воздѣйствїя Бога на челоуѣка, а тѣло — послушнымъ орудіемъ духа, а отсюда, частіице, въ расторженїи союза съ Богомъ и наоборотъ въ рабствѣ діаволу, въ тѣлесной и духовной смерти. Не останавливаясь долго на ученїи ап. Павла о тѣлесной смерти, авторъ входитъ въ выясненіе ученія о духовной смерти, которая стоитъ въ потемнѣнїи началъ добра и въ безсилїи дѣятельности духа: духъ теперь пересталъ управлять тѣломъ, а къ тѣлу, при разслабленности духа въ силу грѣха, какъ сочетанїя челоуѣческой воли съ волей діавола, получило доступъ злое начало, и тѣло стало тѣломъ грѣха (σάρξ τῆς ἀμαρτίας). Выѣстъ съ тѣмъ, при глубокомъ порабоженїи тѣлесной природы грѣховному закону и при разслабленности духа, открылась возможность широкаго вліянїя грѣховнаго тѣла на духовную природу: всѣ способности и проявленїя духа оказываются плотскими (σάρξ). Впрочемъ, личность челоуѣка, его безсмертный духъ не всецѣло порабоженъ грѣху, въ чемъ собственно и заключается

возможность возрожденія челоѣка.—Изложеніе ученія ап. Павла, и опять весьма сжатое, о возрожденномъ состояніи составляетъ содержаніе второй части. Возрожденіе съ точки зрѣнія ап. Павла состоитъ въ томъ, что, искушенные Іисусомъ Христомъ, мы въ т. крещенія становимся причастниками и общниками Его смерти и воскресенія. Отсюда главнѣйшими моментами возрожденія служатъ: а) совлеченіе ветхаго челоѣка и б) обновленіе: въ первомъ случаѣ мы соединяемся со Христомъ подобіемъ Его смерти, а въ второмъ подобіемъ Его воскресенія. Частнѣйшими моментами обновленія служатъ: а) облеченіе въ новаго челоѣка—*ἀνακατασκευάζει*, такой актъ который приводитъ челоѣка въ то состояніе, когда онъ былъ новъ, только-что сотворенъ, б) паки бытіе—*παλιγγενεσία*, такое преобразование, въ силу котораго крещающемуся сообщаются новыя свойства, такія, какія даны были челоѣку при твореніи. Но все это, какъ говоритъ ап. Павелъ, только „начатокъ духа“, который мы должны возвращать своими личными усиліями; есть и въ возрожденныхъ элементъ грѣха и плоти, который мы должны препобѣждать личною съ нимъ борьбою.

Въ составленіи своего сочиненія авторъ слѣдовалъ выраженному ему мной желанію, чтобы тема раскрыта была на основаніи непосредственнаго, положительнаго изученія посланій апостола Павла, подъ руководствомъ исключительно святоотеческаго и православно-богословскаго истолкованія. И дѣйствительно, сочиненіе его написано, на основаніи тщательнаго и вдумчиваго, подъ руководствомъ св. Златоуста, блж. Θεодорита, преосвящ. Θεοφάνη и др., изученія посланій ап. Павла и представляетъ систематическій сводъ и выясненіе главныхъ, частныхъ и частнѣйшихъ моментовъ, изъ коихъ по ученію ап. Павла слагается падшее и возрожденное состояніе челоѣческой природы. Къ сожалѣнію, въ раскрытіи этого ученія, при совершенно правильномъ логическомъ комплектѣ, дано мало мѣста психологическому и этическому элементу. Изложено сочиненіе языкомъ чрезвычайно сжатымъ, съ введеніемъ подлинной терми-

нологіи ап. Павла и постоянными, на каждой страницѣ имѣющимися, подстрочными примѣчаніями филологическаго и экзегетическаго характера. Въ качествѣ кандидатской диссертациі сочиненіе удовлетворительно“.

2) О сочиненіи студента Вячеслава *Богдановича* на тему: „Отраженіе эпохи 60-хъ годовъ въ русской церковной проповѣди“.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева.

„Шестидесятые годы минувшаго вѣка, характеризующіеся сколько особеннымъ оживленіемъ нашей общественной жизни, столько и сложностью образующихъ ее элементовъ, въ наши дни привлекаютъ къ себѣ особое вниманіе общества, при чемъ одни не находятъ словъ для восхваленія „эпохи великихъ реформъ“, другіе относятся къ ней сдержанно и даже отрицательно. А такъ какъ наша церковная жизнь въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ переплетается съ жизнью общественною, то отмѣченное раздѣленіе общественной мысли въ отдѣлѣхъ шестидесятыхъ годовъ не можетъ не остановить на себѣ вниманія православно-русскаго богослова: для него важно освѣтить значеніе эпохи съ церковно-христіанской точки зрѣнія. Первый шагъ къ выполненію этой задачи—тщательное изученіе тѣхъ матеріаловъ, въ которыхъ выразилось отношеніе къ разсматриваемой эпохѣ нашихъ церковныхъ дѣятелей; таковы официальные документы (резолюціи, мнѣнія, докладныя записки), журнальныя статьи, письма, проповѣди. Г. Богдановичъ сосредоточился на изученіи одной группы изъ перечисленныхъ матеріаловъ, именно проповѣдей, какъ такого историческаго источника, который наиболѣе доступенъ изученію изслѣдователя, отдѣленнаго отъ изучаемой эпохи всего тремя десятилѣтіями, причемъ ближайшая задача автора состояла не въ томъ, чтобы „изобразить церковно-общественную жизнь эпохи по современнымъ (ей) проповѣдямъ“, какъ проговаривается авторъ (будь такъ—его изслѣдованіе относилось бы къ области т. наз. „граж-

данской“ исторіи), а въ томъ, чтобы разсмотрѣть, какъ отражалась эпоха въ сознаніи церковныхъ дѣятелей того времени, другими словами: главнымъ объектомъ изслѣдованія для автора должна быть—по смыслу темы—не общественно—политическая жизнь 60-хъ годовъ, а отражавшее эту жизнь сознаніе церковныхъ дѣятелей того времени, насколько оно выразилось въ церковной проповѣди. Значить, сочиненіе его должно имѣть характеръ *церковно-историческій*. Такимъ оно и оказывается на дѣлѣ.

При выполненіи своей задачи автору пришлось имѣть дѣло съ сложнымъ и притомъ чрезвычайно громоздкимъ матеріаломъ: не говоря о томъ, что ему пришлось перечитать очень много монографическихъ изслѣдованій и нѣсколько томовъ проповѣдей, относящихся къ разсматриваемой эпохѣ, многое нужно было разыскивать по журналамъ, гдѣ разбросаны статьи свѣтскихъ писателей и проповѣди церковныхъ дѣятелей. Можно было опасаться, какъ бы матеріалъ не подавилъ автора своею громоздкостью; но эти опасенія не оправдываются сочиненіемъ: авторъ сумѣлъ изъ обширнаго матеріала выбрать существенное, что и расположилъ по строго обдуманному плану.

Сочиненіе состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой главѣ авторъ даетъ сжатый очеркъ правительственныхъ реформъ и общественнаго движенія 60-хъ годовъ, при чемъ, не расплываясь въ подробности, старается подмѣтити руководящіе принципы эпохи, каковыми признаетъ либерализмъ—въ смыслѣ стремленія къ расширенію правъ личности—и утилитаризмъ—въ смыслѣ стремленія къ устроенію земного, преимущественно экономическаго, благополучія народной массы. Охарактеризовавъ изучаемую эпоху, авторъ ставитъ вопросъ: какъ она отразилась въ церковной проповѣди, но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого вопроса, знакомитъ насъ во второй главѣ съ тѣми проповѣдниками, которые съ особенною чуткостью отзывались на движенія общественной мысли и жизни своего времени, вслѣдствіе чего ихъ проповѣдь получила, какъ иногда выражаются, „публици-

стическій" характеръ; таковы: преосвященные Іоаннъ Смоленскій, Никаноръ Херсонскій, Амвросій Харьковскій (до конца 70-хъ годовъ протоіерей), протоіереи Иванцовъ, Платоновъ, Янышевъ и др. Тутъ же авторъ оговаривается, что онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности изучить проповѣдь шестидесятихъ годовъ во всемъ ея составѣ, ограничившись ознакомленіемъ съ проповѣдями руководящихъ церковныхъ дѣятелей. Разумѣется, такое ограниченіе надо признать вполне законнымъ. Представленныя авторомъ характеристики проповѣдниковъ — при всей своей краткости, обусловленной прямою задачей и построениемъ сочиненія — отличаются правдивостью и мѣткостью: видно, что онѣ основаны на дѣйствительномъ и — при томъ — вдумчивомъ изученіи каждаго проповѣдника. Въ дальнѣйшихъ трехъ главахъ авторъ излагаетъ сужденія изученныхъ имъ проповѣдниковъ о правительственныхъ реформахъ и общественныхъ движеніяхъ, умственной жизни и нравственномъ состояніи русскаго общества въ эпоху 60 хъ годовъ. При этомъ авторъ обнаружилъ искусство въ выборѣ и группировкѣ многочисленныхъ выдержекъ, обосновывающихъ или иллюстрирующихъ сдѣланныя имъ обобщенія. Въ концѣ сочиненія можно бы пожелать со стороны автора разрѣшенія того вопроса, правильно ли оцѣнили содержаніе нашей общественной жизни 60-хъ годовъ проповѣдники того времени, но авторъ, изучавшій произведенія авторитетныхъ церковныхъ дѣятелей, воздержался отъ приговора надъ ними. И это не бѣда: достаточно того, что авторъ показалъ въ своемъ сочиненіи, какъ отразилась рассматриваемая эпоха въ сознаніи церковныхъ проповѣдниковъ. Насколько при этомъ выступаютъ собственные воззрѣнія автора, они свидѣлствуютъ о его глубоко убѣжденіи въ широтѣ и жизненности христіанскаго міросозерцанія, равно какъ и въ значеніи церкви даже въ дѣлѣ устроенія земного благополучія. Авторъ, проявившій себя въ сочиненіи просвѣщеннымъ богословомъ, обѣщаетъ быть убѣжденнымъ церковно-общественнымъ дѣтелемъ, а потому онъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія. Если бы въ его

распоряженіи было больше времени, тогда, безъ сомнѣнія, онъ успѣлъ бы сгладить встрѣчающіяся порою шероховатости въ изложеніи. Въ заключеніе замѣчу, что сочиненіе г. Богдановича, посвященное изслѣдованію живого церковно-общественнаго вопроса, могло бы быть прочитано съ интересомъ и пользою тѣми, кто хочетъ уяснить себѣ отношеніе церкви къ различнымъ проявленіямъ общественной жизни“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Задача этого сочиненія—„прослѣдить общественное движеніе 60-хъ годовъ, поскольку оно отразилось въ церковной проповѣди этого времени“. Авторъ счелъ нужнымъ рассмотреть проповѣди предпослать „очеркъ эпохи, составленный независимо отъ этого источника, дабы было видно, что именно в церковной проповѣди дѣйствительно служило отраженіемъ, в чемъ церковная проповѣдь шла согласно съ духомъ времен и въ чемъ съ нимъ расходилась“ (предисл. VІІІ).

Авторъ взялъ на себя не легкое дѣло, которое едва ли требовалось задачею его сочиненія и котораго онъ не могъ исполнить удовлетворительно. Нельзя одобрить прежде всего того, что, для характеристики общественнаго состоянія 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ пользуется руководствомъ почти исключительно представителей либеральнаго направленія, противъ котораго и была направлена тогдашняя церковная проповѣдь. Поэтому получилось одностороннее и тенденціозное освѣщеніе общественнаго движенія означеннаго времени, а главное, не оказывается, по этой причинѣ, органической связи и согласія между предварительнымъ очеркомъ эпохи и изложеніемъ содержания церковной проповѣди: выставляется въ первомъ случаѣ какъ прогрессивное движеніе, какъ цвѣтъ жизни, какъ проявленіе ея развитія и усовершенія то самое, что во второмъ случаѣ прямо порицается, или оказывается внушающимъ скорбныя чувства и опасеніе за будущее.

Основными началами времени авторъ признаетъ *либерализмъ* и *утилитаризмъ*. Въмѣсто того, чтобы представить общую характеристику этихъ основныхъ началъ, пользуясь фактическими указаніями лишь для иллюстраціи своихъ положеній и выводовъ, авторъ исторически обозрѣваетъ *либеральное* направленіе нашего образованнаго общества, начавъ такое обозрѣніе со времени Екатерины II-й, при чемъ конечно подъ рубрику либеральнаго направленія попали самыя разнородныя явленія, и въ результатѣ, вмѣсто разъясненія, получилась путаница понятій. По буквальному значенію либерализмъ—направленіе, ратующее за свободу. Но велико различіе между свободою какъ общественнымъ состояніемъ противоположнымъ рабству или крѣпостному состоянію, и тою свободою, которая понимается какъ принципъ, опредѣляющій наше поведеніе, и которая состоитъ въ отрицаніи всякаго авторитета. Освобожденіе народа отъ крѣпостнаго состоянія было такимъ дѣломъ, котораго издавна у насъ желали, о которомъ мечтали всѣ благомыслящіе люди, а не одни такъ называемые либералы. Уничтоженіе крѣпостнаго права есть дѣло простой справедливости и потому нельзя смотрѣть на него какъ на характерное проявленіе либерализма. Либерализмъ, конечно, относитъ къ себѣ всѣ реформы и первое всего—реформу крестьянскую. Но если мысль объ этой реформѣ и считалась нѣкогда либеральною, то во всякомъ случаѣ, для характеристики либерализма, это обстоятельство есть случайное, а не существенное. Существенная же черта либерализма заключается не въ какомъ либо историческомъ фактѣ, а въ нѣкоторомъ свойствѣ человѣческой природы, выраженіемъ котораго надо признать *отрицаніе всякаго авторитета*; въ разсматриваемомъ сочиненіи это называется освобожденіемъ личности, — названіе, конечно, не принадлежащее самому автору. Основаніемъ всякаго иного авторитета, именно—государственного и семейнаго, служитъ авторитетъ религіозный. Посему либерализмъ стремится уничтожить прежде всего авторитетъ религіозный (см. стр. 303) и для сего изводитъ *вѣру религіозную*

на степень *частнаго мнѣнія*, липеннаго всякой обязательной силы, свободно, по личному усмотрѣнію, какъ принимаемаго каждымъ, такъ и отвергаемаго (свобода совѣсти; см. стр. 290 и далѣе). Въ связи съ отрицаніемъ религіознаго авторитета стоитъ также отрицаніе авторитета государственнаго и семейнаго: первое выражается въ томъ, что право управленія признается принадлежащимъ самимъ управляемымъ (чрезъ выборныхъ); источникомъ власти считается воля народа, а какъ народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ, то, слѣдовательно, воля каждого, такъ что всякій—самъ себѣ господинъ; отрицаніе семейнаго авторитета выражается въ требованіи равноправности членовъ семьи и во взглядѣ на семью, какъ на сожительство вполне свободное, опирающееся единственно на добровольномъ согласіи—сохранять его, и потому продолжающееся дотолѣ, пока остается въ силѣ это добровольное согласіе кого либо изъ членовъ семьи, преимущественно, разумѣется, тѣхъ, которые сами же заключили этотъ союзъ. Въ разсматриваемомъ сочиненіи (стр. 52) отрицаніе всякаго авторитета выставляется какъ крайность, происшедшая вслѣдствіе сильнаго возбужденія умовъ въ направленіи либеральномъ,—какъ реакція прежнему столь же неумѣренному консерватизму. На самомъ же дѣлѣ это не крайность, а самая *сущность* либерализма, обыкновенно теперь выражаемая въ извѣстномъ положеніи: *все позволено*. И относительно *утилитаризма*,—второй черты 60-хъ годовъ, также слѣдовало бы различать историческое проявленіе этого направленія отъ философской его сущности. Съ исторической точки зрѣнія утилитаризмъ есть противоположность прежнему мечтательному идеализму 40-хъ годовъ, является послѣдствіемъ уничтоженія крѣпостнаго права и разрушенія, опиравшагося на этомъ правѣ, строя жизни; характеристика этого утилитаризма—въ извѣстномъ романѣ Тургенева: *Отцы и дѣти*. Авторъ разсматриваемаго сочиненія напрасно смотритъ на 60-е годы какъ на продолженіе 40-хъ. Въ 40-хъ годахъ господствовало увлеченіе искусствомъ и эстетическими идеями (*Шаллеровщина*, о

чемъ у Достоевскаго и Писемскаго). О естествознаніи и политической экономіи никто не думалъ тогда. По своему же философскому значенію, утилитаризмъ—необходимое послѣдствіе либерализма. Съ устраненіемъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, къ чему матеріализмъ служитъ необходимымъ средствомъ, — конечною цѣлью жизни естественно является идея благополучія или счастья (стр. 315; 377—8). Но при этомъ неизбежно является двойство въ пониманіи счастья: счастье понимается или какъ благо индивидуальное, отсюда *индивидуализмъ*,—съ другой же стороны—какъ благо общественное; такое пониманіе счастья составляетъ такъ называемый *соціализмъ*. Напр., Бѣлинскій такъ выражается въ письмѣ къ Боткину: „я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ *каждаго* изъ моихъ братій по крови“ (стр. 23). Яснѣе выражено индивидуалистическое пониманіе счастья у Писарева, который говоритъ такъ: „если бы всѣ жили не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга и *не влѣшивались въ чужія дѣла*, то, право, тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ, нежели теперь“ (стр. 76—77). Соціалистическое пониманіе блага кратко выражено Чернышевскимъ въ слѣдующихъ словахъ: „Общечеловѣчскій интересъ стоитъ выше выгодъ отдѣльной націи. Общій интересъ цѣлой націи стоитъ выше выгодъ отдѣльнаго сословія. Интересъ многочисленнаго сословія выше выгодъ малочисленнаго“ (стр. 94). Важно то, что, при такомъ пониманіи блага, является необходимость подчиненія менѣе общаго блага болѣе общему, а подчиненіе есть ограниченіе свободы, что противно самой сущности либерализма. Отсюда соціалистическое пониманіе блага неминуемо практически разрѣшается и оканчивается пониманіемъ индивидуалистическимъ, все равно какъ идея народной воли практически переходитъ въ стремленіе *каждаго* индивидуума къ неограниченной свободѣ.

Указанныя существенныя различія въ пониманіи свободы и счастья ступеньваются въ рассматриваемомъ сочиненіи и не принимаются авторомъ во вниманіе; произошло же это отъ того,

что историческое обозрѣніе общественнаго движенія 60-хъ годовъ не соединяется съ философскимъ анализомъ понятій, съ которыми автору приходилось при этомъ имѣть дѣло, т. е. чи-сто историческую точку зрѣнія онъ не соединяетъ, къ сожалѣнію, съ философской, и потому дѣлаетъ непростительныя промахи. Такъ напр., обозрѣвая отношеніе либерализма къ вопросамъ о нравственности, и, указывая на отрицаніе христіанскихъ понятій о долгѣ и конечной цѣли человѣческой жизни, авторъ видитъ въ этомъ не вообще отрицаніе началъ нравственности, а только отрицаніе *прежнихъ* началъ нравственности, какъ бы смѣну однихъ началъ другими, — началъ устарѣвшихъ болѣе свѣжими, новыми. Вообще въ характеристикѣ 60-хъ годовъ одобренія заслуживаетъ лишь изложеніе *фактовъ* правительственной и общественной дѣятельности, — съ исключеніемъ сужденій объ этой дѣятельности, вообще не самостоятельныхъ. Характерно въ этомъ отношеніи уже то одно, что направленіе умовъ, господствовавшее въ 60-е годы, разсматривается какъ обусловленное ходомъ русской жизни, между тѣмъ какъ въ обозрѣніи проповѣднической дѣятельности, для объясненія того же направленія, на первый планъ выступаетъ вліяніе Запада.

Въ обозрѣніи проповѣди церковной 60-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего то замѣчаніе автора, что проповѣдники старшаго поколѣнія (Митр. Моск. Филаретъ, Димитрій Одесскій, Макарій Харьк.), вслѣдствіе своего воспитанія, не могли приспособиться къ новому духу времени, т. е. будто бы не понимали этого новаго духа. Отъ подобнаго сужденія должно бы удержать автора, хотя и неправильное, то его положеніе, что направленіе 60-хъ годовъ было продолженіемъ прежняго направленія умовъ въ 40-е годы. Вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду объяснить то, что старшіе проповѣдники воздерживались въ своихъ проповѣдяхъ отъ темъ публицистическихъ, не проявляли охоты вдаваться въ обсужденіе явленій общественныхъ того времени, т. е. 60-хъ годовъ, довольствуясь предметами изъ церковной практики и ученія христіанскаго. Но дѣло

въ томъ, что каждое время ставить особыя задачи. Сначала требовалось выработать и установить философскій языкъ и содержаніе наукъ богословскихъ привести въ систему. Это и было важнѣйшимъ дѣломъ проповѣдниковъ тогдашняго старшаго поколѣнія. Поэтому естественно представлялось для нихъ недопустимымъ, съ привычной для нихъ, высоты богословскаго созерцанія спускаться въ среду шумныхъ, не всегда толковыхъ, а главное безцеремонныхъ разсужденій и выхонокъ тогдашней публицистики; какъ извѣстно, то было время неудобное для спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія поднятыхъ тогда вопросовъ. Впрочемъ авторъ, какъ бы въ опроверженіе своего мнѣнія о старшихъ проповѣдникахъ, приводитъ по мѣстамъ краткія, но мѣткія, замѣчанія Митрополита Московскаго Филарета о революціонномъ направленіи умовъ тогдашняго, какъ равно и прежняго времени. Авторъ разсматриваемаго сочиненія охотно вдается въ общія разсужденія и характеристики и оттого самое обзорѣніе церковной проповѣди оказывается довольно поверхностнымъ и краткимъ и ограничивается обыкновенно извлеченіемъ по всякому вопросу немногихъ отрывочныхъ мѣстъ изъ разныхъ проповѣдей. Для дѣла было бы лучше, если-бы, минуя общія обзорѣнія и разсужденія о характеристическихъ чертахъ времени, авторъ тщательно проанализировалъ наиболѣе замѣчательныя проповѣди, или еще лучше, раздѣливъ таковыя по группамъ, занялся бы подробнымъ ихъ обзорѣніемъ, съ указаніемъ всего замѣчательнаго въ нихъ въ какомъ либо отношеніи. Въ особенности слѣдовало бы обратить вниманіе на то, въ чемъ именно и какъ отразились черты времени на церковной проповѣди, а равно и на то, во всемъ ли согласны были между собою самыя проповѣдники, обсуждая вопросы и явленія жизни своего времени. Такъ напр., по словамъ Харьк. архіепископа Амвросія, главнѣйшая трудность для современнаго проповѣдника оцѣнить просвѣщеніе нашего времени заключается „въ разрозненности, неопредѣленности, безхарактерности тѣхъ идей, которыя бродятъ въ нашемъ обществѣ подъ именемъ послѣднихъ

выводовъ современной науки. Иногда эти идеи, говорить далѣе проповѣдникъ, дробятся въ такія мелкія, несвязныя, неточныя, но въ тоже время досадныя и вредныя для общества мысли, что ихъ ни привести къ единству, ни оцѣнить, ни съ силою опровергнуть невозможно. Онѣ похожи на тѣхъ, недавно замѣченныхъ естествознаніемъ, незримыхъ живогныхъ, которыя міріадами плодятся и кружатся въ воздухѣ“ и т. д. „Всмотритесь въ существо и характеръ современныхъ лжеученій, говорить преосвящ. Смоленскій Іоаннъ, все это понятія частныя, идеи измѣнчивыя, умозаключенія поверхностныя“ (стр. 286 — 287). Совсѣмъ иной взглядъ на тотъ же предметъ былъ высказанъ архіепископомъ Никаноромъ. Въ проповѣди на новѣй (1869-й годъ), изображая мірскую суету своего времени, онъ такъ говоритъ: „Какъ въ основѣ церковнаго чиноположенія въ этотъ день лежитъ цѣлое христіанское міросозерцаніе, такъ и въ основѣ мірской суеты, знаменующей этотъ день, лежитъ цѣлая, рѣдко подозрѣваемая легкими ея послѣдователями, но весьма глубокая *система*, въ которой понятія о Богѣ, религіи и добродѣтели оказываются лишними и въ которой совершенно подавляется (отрицается?) значеніе человѣческой личности?!“ (стр. 348 и д.). Такъ какъ эти разные взгляды проповѣдниковъ на направление или состояніе умственное нашего общества въ то время представлены авторомъ въ разныхъ, довольно далеко отстоящихъ одно отъ другого мѣстахъ своего сочиненія, то разность эта не только не получила у него должнаго разъясненія, но даже осталась незамѣченною вовсе. Или, напр., у нѣкоторыхъ проповѣдниковъ встрѣчается и даже подробно излагается и аргументируется мысль, что современныя идеи гуманности, служенія общему благу, идеи свободы и равенства заимствованы изъ христіанства (стр. 364), между тѣмъ одинъ проповѣдникъ утверждаетъ, что ничего общаго нѣтъ между тѣми идеями и христіанскимъ ученіемъ о любви и правдѣ (стр. 365). Встрѣчается въ проповѣдяхъ 60-хъ годовъ и такая мысль, что въ природѣ человѣка важнѣе сердце, а не разумъ, и что стало быть про-

свѣщенію умственному слѣдуетъ отводить второстепенное мѣсто. А между тѣмъ всѣ тѣ проявленія общественной жизни и мысли, противъ которыхъ проповѣдники вели борьбу, зависѣли кѣды отъ распространенія въ обществѣ новыхъ взглядовъ, теорій, словомъ отъ новаго міровоззрѣнія. Тѣ гуманныя идеи и стремленія, въ которыхъ проповѣдники усматривали лучшую и угѣшительную сторону общественности своего времени, конечно исходили изъ сердца, воспитаннаго въ духѣ христіанскомъ; но дѣло въ томъ, что эти чувства и стремленія ослабѣвали и теряли свою упругость подъ напоромъ новыхъ теорій, и вотъ является нигилистическій социализмъ и анархизмъ, т. е. такое направленіе, которое, для достиженія фантастическихъ цѣлей, ни передъ чѣмъ не останавливается, всякія средства считаетъ дозволительными. Въ тѣсной связи съ вопросомъ о значеніи ума и сердца въ жизни человѣка стоитъ вопросъ, затронутый въ одной проповѣди пресвященнаго Амвросія (стр. 291), объ убѣжденіяхъ. Вопросъ этотъ для нашего времени имѣетъ чрезвычайную важность. Итакъ, самое поверхностное обозрѣніе церковной проповѣди 60-хъ годовъ приводитъ ко многимъ важнымъ вопросамъ, которые авторомъ оставлены безъ вниманія. И это оттого, что главный предметъ для него не самое содержаніе проповѣди, а тѣ черты времени, по поводу которыхъ проповѣдниками трактуется тотъ или иной вопросъ.

Сдѣлано авторомъ много,—болѣе чѣмъ достаточно для полученія степени кандидата богословія, если взять во вниманіе обширность задачи, сложность и крайнее разнообразіе матеріала, требующаго, для разработки его, большихъ ресурсовъ со стороны изслѣдователя. Поэтому, если желательно автору сдѣлать изъ своего сочиненія трудъ серьезный, который былъ бы болѣе или менѣе на высотѣ своей задачи, то слѣдуетъ, взявъ во вниманіе изложенныя замѣчанія, вновь и основательно переработать это сочиненіе“.

3) О сочиненіи студента Леонида *Бриллиантова* на тему: „Чинопослѣдованія обрученія и вѣнчанія“.

а) И. д. доцента О. Мищенко:

„Л. Бриллиантовъ написалъ около 800 страницъ, но если бы пройти его работу редакторскимъ карандашомъ, ее можно бы сократить на половину, безъ ущерба содержанію. Бриллиантовъ усвоилъ себѣ манеру—вмѣсто одного слова употреблять два, три синонима и, выразивъ мысль одной фразой, тутъ же пересказывать ее другими, а иногда и третьими словами; благодаря этому сочиненіе становится длиннымъ, тягучимъ, для чтенія утомительнымъ. На ряду съ этимъ попадаются неправильныя выраженія, такъ что стиль сочиненія вообще не можетъ быть названъ хорошимъ литературнымъ стилемъ.

Что касается формально-логической обработки сочиненія, то, хотя и здѣсь можно бы пожелать бѣльшаго, все таки сдѣланнымъ можно болѣе удовлетвориться, чѣмъ стилемъ. Планъ сочиненія таковъ: сначала ведется рѣчь о свадебныхъ обрядахъ еврейскихъ (при чемъ авторъ въ буквальномъ смыслѣ начинается отъ Адама), греческихъ и римскихъ, затѣмъ—о заключеніи христіанскаго брака въ вѣка съ 1-го по VIII-й; съ IX вѣка начинается исторія брачныхъ чиновъ по сохранившимся рукописнымъ памятникамъ; эту исторію авторъ подраздѣляетъ на „эпохи“ (съ IX по XII, съ XIII по XIV в. и XV—XVI вв.). Въ каждомъ изъ періодовъ, начиная съ патріархальнаго, онъ излагаетъ сперва порядокъ обрученія, затѣмъ вѣнчанія и, наконецъ, послѣдствіе брачныхъ обрядовъ; попутно и въ каждой главѣ особо ведутся археологическіе экскурсы касательно разныхъ принадлежностей брачныхъ обрядовъ (колець, вѣнцовъ и т. п.). Чинъ о второбрачныхъ выдѣленъ въ особую, послѣднюю главу. Въ общемъ подобная конструкція плана вноситъ порядокъ въ распредѣленіе матеріала. Но при характеристикѣ своихъ эпохъ, авторъ, желая, очевидно, указать связь одной эпохи съ другою, выражается такъ, что у читателя получается впечатлѣніе, будто раздѣльные пункты слѣдуетъ поставить какъ разъ по срединѣ принятыхъ авторомъ періодовъ, потому что

первая половина каждой эпохи совсѣмъ похожа на предыдущую, а вторая — на послѣдующую. При изложеніи исторіи рукописныхъ чиновъ, Бриллиантовъ болѣе слѣдуетъ правилу — изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рукописи въ рукопись; синтетическая работа мысли, стремленіе къ группировкѣ, классификаціи чиновъ выступаетъ въ слабой степени. Лирическій элементъ въ сочиненіи изобилуетъ.

Что касается идейной стороны сочиненія, то Бриллиантовъ старается провести мысль, будто „благосѣнолиственное древо“ бракозаключительныхъ обычаевъ выросло изъ сѣмени райскаго благословенія; изъ этого сѣмени развились обряды еврейской греческой и римской свадьбы... Христіанская обрядность сложилась подъ вліяніемъ римскихъ (*confarreatio* — нныхъ) и еврейскихъ обычаевъ. Разумѣется, чтобы установить связь не только греко-римскихъ, но даже еврейскихъ брачныхъ ритуаловъ съ райскимъ благословеніемъ, недостаетъ многихъ посредствующихъ звеньевъ и автору приходится иногда крѣпко натягивать историческую цѣпь.

Но недостатки сочиненія Бриллиантова должны быть измѣряемы особою мѣрою, если принять во вниманіе грандіозность предлежавшей автору задачи и подъятаго имъ труда. Трудъ Бриллиантова, поистинѣ, огромный. Онъ обозрѣлъ массу первоисточниковъ, пересмотрѣлъ обширную литературу и, при томъ, литературу такого свойства, которая, не смотря на свою обширность, имѣла только соприкосновенное въ большинствѣ случаевъ, а не прямое отношеніе къ предмету. При рѣшеніи многихъ вопросовъ Бриллиантовъ оказался въ положеніи піонера. Съ этой точки зрѣнія, уже одинъ сводъ матеріала, а также нѣкоторыя отдѣльныя, несомнѣнно цѣнныя частности получаютъ такое значеніе, что за нихъ, не колеблясь, можно признать Бриллиантова вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Исторія чинопослѣдованія обрученія и вѣнчанія въ русской литургической литературѣ и доселѣ остается малоразработанною, а поэтому для молодого начинающаго изслѣдователя должна представлять трудности не только серьезныя, но иногда прямо непреодолимыя. Г. Бриллиантовъ, съ любовію и усердіемъ принявшійся за разработку даннаго вопроса, къ существующимъ трудностямъ, которыя всецѣло обуславливались темою, при соединилъ еще новыя, можно сказать, неожиданныя. Такъ, напр. онъ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторической судьбы чинопослѣдованія обрученія и вѣнчанія въ христіанско церкви, обзрѣваетъ и весьма обстоятельно особенности брачныхъ церемоній у евреевъ древнѣйшаго времени и у позднѣйшихъ или современныхъ намъ и у народовъ классическихъ грековъ и римлянъ, пытается при этомъ, и не безуспѣшно поставить ихъ въ причинную связь съ подобными обрядами обычаями древне-христіанской богослужебной практики. Глазъ эта, усложнившая весьма значительно трудъ автора, читается съ большимъ интересомъ, благодаря обильному, въ высшей степени любопытному матеріалу, собранному имъ въ большихъ случаяхъ самостоятельно. Самое изслѣдованіе разсматриваемаго чинопослѣдованія начинается съ третьей главы и ведется, за немногими исключеніями, по плану простому и естественному. Здѣсь вызываютъ недоумѣнія у читателя и невольны обращаютъ на себя его вниманіе не вполне ясное дѣленіе примѣтниковъ на редакціи (стр. 228, 238), искусственные переходы отъ одного предмета къ другому (стр. 216, 399, 415), и неправильный переводъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранныхъ источниковъ и пособій (стр. 95, 131, 161, 211, 213, 324) неудачныя выраженія (стр. 117, 161, 411, 412, 425, 434, 435, 477, 479); въ сочиненіи можно находить нѣсколько нѣправильныхъ фактовъ (стр. 101, 236, 241, 336, 350, 425, 426, 462, 478), но все это не умаляетъ и положительныхъ дост

инствъ его. Авторъ трудился весьма добросовѣстно, изучилъ предметъ сочиненія и существующія пособія русскія и иностранныя основательно и далъ обстоятельный историческій очеркъ чино-послѣдованія, который, при дальнѣйшей разработкѣ и болѣе тщательной стилистической отдѣлкѣ, можетъ быть цѣннымъ вкладомъ въ литургическую литературу по данному вопросу. Для степени кандидата настоящее сочиненіе я признаю вполне достаточнымъ“.

4. О сочиненіи студента Андрея *Бурковского* на тему: „Большое огласительное слово св. Григорія Нисскаго, какъ догматическій памятникъ“.

а) И. д. доцента Ъ. Экземплярскаго:

„Сочиненіе г. Бурковского построено по широкому плану. Во введеніи авторъ касается вопросовъ о подлинности и неповрежденности слова св. Григорія; характеризуетъ личность св. отца и его догматическую систему; потомъ опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія и указываетъ пособія, какими пользовался онъ при написаніи своего сочиненія. Въ первой части послѣдняго, указывая источники религіозно-философскихъ воззрѣній св. Григорія, авторъ пытается установить генетическую связь системы св. отца съ предшествующей философіей и богословіемъ; въ частности довольно подробно говоритъ объ отношеніи св. Григорія къ Платоновой и неоплатонической философіи и къ богословско-философскимъ воззрѣніямъ Оригена. Во второй части своего труда авторъ предлагаетъ анализъ самаго слова, излагая его въ двухъ пространныхъ главахъ. Наконецъ, въ заключеніи указываетъ значеніе слова въ исторіи христіанской догматики.

Уже самый планъ достаточно ясно говоритъ о томъ, что нельзя шире понять задачу изслѣдованія, чѣмъ какъ это сдѣлалъ г. Бурковский. Нѣкоторые частные вопросы, разсмотрѣнные авторомъ, могли бы послужить отдѣльной темой для по-

добныхъ студенческихъ изслѣдованій. Неудивительно поэто что пирокій, и въ общемъ выполнѣ отвѣчающій существу дѣланію своего сочиненія авторъ не успѣлъ выполнить съ одинакою обстоятельностью и успѣхомъ. Если не ставить автору вину недостаточно полные и основательные отвѣты на вопросы поставленные имъ во введеніи (что собственно не входитъ въ задачу его по преимуществу догматическаго изслѣдованія), всю первую часть его сочиненія надо признать далеко незаконченной. Едва ли есть задача болѣе трудная при изученіи вѣстныхъ литературныхъ памятниковъ, какъ установить ихъ нѣтическую связь съ предшествующими литературными произведеніями; особенно трудно это относительно святоотеческихъ твореній первыхъ вѣковъ, гдѣ вліяніе предшествующей языческой философіи выступаетъ прикровенно, въ существенно и образованномъ видѣ, благодаря всецѣлому проникновенію и созерцанію св. отцовъ христіанскими идеями. И выполнѣ справиться со своею задачею г. Бурковскому не удалось. Въ сочиненіи можно найти только указаніе на сходство извѣстныхъ положеній въ системѣ св. Григорія Нисскаго съ нѣкоторыми положеніями Платоновой философіи и Оригеновскаго богословія. При этомъ сходство нѣкоторыхъ воззрѣній Платона и св. Григорія, на которое указываетъ авторъ, касается вообще сходства въ нѣкоторыхъ пунктахъ Платоновой философіи съ христіанскими взглядами, благодаря чему такое сходство еще не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ вліянія философіи Платона на св. Григорія. Точно также нѣкоторыя частныя воззрѣнія св. отца, сходныя съ предшествовавшими богословскими мнѣніями, могутъ имѣть и иногда дѣйствительно имѣютъ совершенно другое основаніе, исходятъ изъ иныхъ началъ. И все же не рѣшаюсь поставить въ большую вину автору и той неуспѣшности въ выполненіи имъ своей задачи, въ указанной ей трудности. Во всякомъ случаѣ г. Бурковский достаточно ознакомился съ основными воззрѣніями предшественниковъ св. Григорія мыслителей и указалъ не мало дѣйстви-

но сходныхъ чертъ въ ихъ ученіи. Эта задача должна была потребовать много труда, и авторомъ сдѣлано въ данномъ случаѣ на столько достаточно, что выполнить недостающее было-бы не трудно при дальнѣйшей обработкѣ сочиненія. Что касается второй части, то здѣсь, соответственно большей простотѣ задачи, видно и болѣе успѣшное выполненіе ея авторомъ. Значительныя трудности, представляемыя словомъ Св. Григорія для правильного его пониманія, побѣждены авторомъ съ достаточнымъ успѣхомъ. Не только ходъ мысли св. отца представленъ въ его логической послѣдовательности, но и многія частныя черты ученія св. Григорія, особенно не вполне ясныя и точныя богословскіе термины употребляемые св. отцомъ, достаточно уяснены и раскрыты авторомъ. Въ этомъ я полагаю-бы особую заслугу сочиненія г. Бурковского предъ богословской наукой, такъ какъ ученіе св. Григорія во многомъ затрудняется и даже ложно толкуется, благодаря неправильному пониманію своеобразной терминологіи св. отца.

Вообще недостатки сочиненія г. Бурковского сводятся главнымъ образомъ къ необработанности его сочиненія и легко могутъ быть извинены въ виду недостатка времени для успѣшнаго осуществленія широкаго плана, выработаннаго авторомъ. Положительныя же достоинства сочиненія позволяютъ признать его небезполезнымъ трудомъ въ области исторіи догматики, несмотря на то, что авторъ имѣетъ уже предпественниковъ въ дѣлѣ изученія догматической системы св. Григорія не только на западѣ, но и среди русскихъ богослововъ. Какъ сочиненіе на степень кандидата богословія, трудъ г. Бурковского можетъ быть признанъ, по моему мнѣнію, болѣе, чѣмъ удовлетворительнымъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Сочиненіе автора посвящено обстоятельному обзорѣ большаго огласительнаго слова св. Григорія Нисскаго. Оно со-

стоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая, названная общемо, говорить о свящ. писаніи, свящ. преданіи и философіи Платона, какъ источникахъ богословско-философскихъ воззрѣній св. Григорія Нисскаго и о зависимости св. Григорія Нисскаго отъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и особенно Оригена, а вторая, „спеціальная“, представляетъ подробное изложеніе огласительнаго слова, съ разъясненіемъ заключающейся въ немъ терминологіи.

Авторъ усердно и добросовѣстно работалъ надъ предметомъ своей темы,—обстоятельно изучилъ огласительное слово въ его непосредственномъ содержаніи и въ связи съ общими богословско-философскими воззрѣніями св. Григорія Нисскаго, а эти послѣднія освѣтилъ указаніемъ той зависимости, въ которой они стоятъ отъ богословскихъ идей Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и Оригена, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отъ философскихъ воззрѣній Платона. Широкая область идей, съ которою авторъ имѣлъ дѣло, правильность сужденій и солидное изложеніе дѣлаютъ трудъ автора совершенно удовлетворительною кандидатскою диссертациею. На мой взглядъ, этотъ трудъ заслуживалъ бы обработки въ дальнѣйшихъ учено-литературныхъ цѣляхъ“.

5) О сочиненіи студента Вячеслава *Бычковскаго* на тему: „Проповѣди покойнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго“.

а) Доклента Н. Мухина:

„Свою прямую задачу—оцѣнить проповѣди покойнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, со стороны ихъ содержанія и изложенія—авторъ выполнилъ вполне удовлетворительно. Онъ основательно изучилъ проповѣди преосвящ. Амвросія и содержаніе ихъ представилъ въ стройной системѣ. Въстѣ съ тѣмъ онъ вѣрно подмѣтилъ особенности изложенія этихъ проповѣдей, языка ихъ и указалъ надлежащее мѣсто почившему витіи въ исторіи отечественной проповѣди.“

Но авторъ не ограничивается указанною задачею, онъ расширяетъ рамки своего изслѣдованія и во введеніи къ своему сочиненію даетъ краткую біографію почившаго архипастыря, рисуеъ его духовный обликъ, предполагаетъ представить развитіе проповѣдническаго таланта его и сообщаетъ библиографическія свѣдѣнія о проповѣдяхъ его. Къ сожалѣнію, въ этой части своего изслѣдованія авторъ стоитъ не на высотѣ своей задачи. По крайней мѣрѣ біографія преосвящ. Амвросія представлена въ слишкомъ общихъ, блѣдныхъ чертахъ. Это — скорѣе послужной, формулярный списокъ почившаго, не связанный органически съ самымъ изслѣдованіемъ. Что же касается развитія проповѣдническаго таланта преосвящ. Амвросія, которое (развитіе) имѣлъ въ виду представить авторъ, то нужно сказать, что онъ больше обѣщаетъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ даетъ. Авторъ предполагаетъ указать основныя моменты развитія въ проповѣдничествѣ нашего оратора (стр. 29), а вмѣсто этого доказываетъ, что въ извѣстные промежутки времени преосвящ. Амвросій говоритъ о предметахъ исключительно или по преимуществу извѣстной области (стр. 29—33). Въ чемъ здѣсь развитіе проповѣдническаго таланта преосвящ. Амвросія — для читателя остается тайной. Развитіе таланта состоитъ вовсе не въ томъ, что проповѣдникъ касается въ своихъ рѣчахъ тѣхъ или другихъ матерій. Отказываемся мы также видѣть постепенность въ развитіи проповѣдническаго таланта преосвящ. Амвросія въ томъ именно, въ чемъ полагаетъ ее авторъ. „Духъ амвросіевскаго (?), какъ выражается авторъ, убѣждающаго обличенія мѣняется съ повышеніемъ его церковной власти и авторитета, возрастая въ силѣ и въ смѣлости (стр. 35)“. Обличительный элементъ въ проповѣдяхъ не есть показатель развитія таланта проповѣдника. Нельзя также признать вѣрнымъ еще одного критерія, который выставляетъ авторъ для опредѣленія роста проповѣдническаго таланта церковнаго оратора. „Весьма замѣтно, говоритъ авторъ (стр. 37), возрастаніе проповѣдническаго таланта преосвящ. Амвросія со стороны вышней, со стороны

количества и объема проповѣдей“. Авторъ обнаруживаетъ механическое пониманіе роста проповѣдническаго таланта преемств. Амвросія. Но отмѣченные нами промахи автора относятся къ тому, что выходятъ за предѣлы непосредственной задачи его изслѣдованія и нисколько не умаляютъ несомнѣнныхъ достоинствъ сочиненія. Мысль автора серьезная, способная проникать въ существо предмета. Авторъ обнаружилъ способность къ литературной обработкѣ научныхъ вопросовъ. Онъ основательно изучилъ свой предметъ и удачно ориентировался во всѣхъ деталяхъ его. Величавый образъ почившаго церковнаго витія увлекаетъ нашего автора, и онъ съ любовью относится къ своей работѣ. Сочиненіе написано безукоризненнымъ литературнымъ языкомъ и можетъ быть отнесено къ числу очень хорошихъ кандидатскихъ диссертаций“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвnickаго:

„Сочиненіе отличается полнотою изслѣдованія предмета. Во введеніи сообщены краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ архіепископѣ Амвросіи, обрисованъ духовный обликъ его и показано развитіе его проповѣдническаго таланта. Онъ заботливо собралъ все, встрѣчающееся въ печати, по этому пункту и хорошо изложилъ заимствованныя у другихъ свѣдѣнія, служащія къ уясненію личности проповѣдника. І концы введенія представлены бібліографическія свѣдѣнія проповѣдяхъ Амвросія и ихъ изданійхъ.

Главную (первую) часть сочиненія составляетъ характеристика проповѣдей покойнаго архіепископа Амвросія со стороны содержанія, представленная въ трехъ обширныхъ гл. вахъ. Указавши въ началѣ, что проповѣдь Амвросія религіозно-практическаго или нравственно-общественнаго направленія, что проповѣдникъ въ выборѣ темъ сообразовался съ религіиными нуждами, стремленіями и недостатками современнаго люда, съ болѣзнями нашего общества, въ особенности обрваннаго, и съ разными ненормальными явленіями, замѣтны

въ кругахъ, имѣющихъ притязаніе на руководящую роль въ обществѣ, онъ затѣмъ подробно раскрываетъ все богатое содержаніе проповѣдей Амвросія, умѣлою рукою комбинируя его и передавая его большею частію словами самаго проповѣдника.

Во второй части авторъ характеризуетъ проповѣдь Амвросія со стороны изложенія. Онъ отмѣчаетъ здѣсь разсудочный элементъ, преобладающій въ проповѣди Амвросія,—силу его логической мысли, стремленіе направлять излагаемую истину или правило къ измѣненію и улучшенію дѣйствительности, его окружающей, обличительный тонъ и характеръ его проповѣдей, въ виду недостатковъ современнаго ему общества, затѣмъ говорить объ источникахъ, какими пользовался преосвященный Амвросій, и о способахъ пользованія имъ, потомъ о внѣшнемъ построеніи проповѣдей и свойствахъ и достоинствахъ его языка. Въ концѣ главы есть небольшая замѣтка о его импровизованныхъ проповѣдяхъ.

Сочиненіе заканчивается заключительнымъ словомъ о значеніи преосвященнаго Амвросія, какъ проповѣдника. Авторъ высоко цѣнитъ его, но своего рѣшительнаго слова не даетъ о немъ, замѣчая, что оцѣнка такой личности дѣло будущаго, и, можетъ быть, далекаго будущаго.

Въ общемъ планъ сочиненія отличается стройностію. Предметъ исчерпанъ вполне; сужденія автора здравыя и основательныя; литературная обработка очень исправная. Свою задачу авторъ выполнялъ съ полнымъ успѣхомъ. Для степени кандидата сочиненіе очень удовлетворительное“.

6) О сочиненіи студента Христо *Вергова* на тему: „Богомилство и его историческая судьба“.

а) Экстраординарнаго профессора В. Зивитневича:

„Сочиненіе начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ выясняетъ свой взглядъ на задачу изслѣдованія и кратко знакомитъ съ положеніемъ вопроса въ исторіи науки. Самое изслѣдованіе дѣлится на четыре главы. Въ интересахъ разысканія элементовъ, изъ которыхъ сложилось богомилство какъ опре-

дѣленное ученіе, авторъ въ первой главѣ останавливается, съ одной стороны, на сектахъ востока, — гностицизмѣ, манихействѣ и павликѣанствѣ, съ другой стороны — на вѣрѣ и бытѣ славянъ. Что богомилство есть явленіе сложное, что въ немъ идеи восточныхъ ученій, принявъ въ себя элементы христіанства, своеобразно отразились въ народномъ славянскомъ сознаніи, это мысль вѣрная, заслуживающая серьезнаго научнаго изученія. Къ сожалѣнію, г. Верговъ отнесся къ ней довольно механически, а поэтому ни установить твердой точки отправленія для уясненія вопроса, ни привести первую главу въ тѣсную внутреннюю связь съ остальною частью сочиненія, ему не удалось. Познакомивъ кратко съ исторіей возникновенія богомилства, авторъ во II-й главѣ бѣгло останавливается на исторіи распространенія его въ Болгаріи, Византіи, Сербіи, Румыніи, временно въ Россіи и на Западѣ — въ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи. Далѣе авторъ знакомитъ съ теоретической стороною ученія богомиловъ, ихъ культомъ, соціальными воззрѣніями, общественнымъ строемъ, богослуженіемъ и самою жизнію. Трактовать этотъ довольно искусственно разбитъ на двѣ главы (III — IV), дробится на множество рубрикъ, въ слѣдованіи которыхъ одной за другою довольно трудно усмотрѣть естественную послѣдовательность. Этому трактату недостаетъ того, что можно назвать генезисомъ развитія богомилскаго ученія. Въ V главѣ излагается взглядъ богомиловъ на церковное преданіе и свящ. писаніе, при чемъ авторъ особенно внимательно останавливается на литературѣ апокрифической. Въ послѣдней (IV) главѣ кратко говорится объ исторической судьбѣ богомилства въ позднѣйшее время. Въ заключеніи формулируются основныя положенія сочиненія и дѣлается краткій перечень источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ въ своемъ изслѣдованіи.

Г. Верговъ отнесся къ предмету своего изслѣдованія съ живымъ интересомъ и видимою добросовѣстностью; онъ внимательно ознакомился съ доступными для него источниками и пособиями и извлекъ изъ нихъ достаточно научнаго матеріала. Но,

къ сожалѣнію, въ его трудѣ не видно работы сильной логической мысли, которая помогла бы справиться съ тою трудною и сложною задачею, разрѣшить которую ему предстояло. Данныхъ для уясненія богомилства, особенно въ Болгаріи, авторъ приводитъ достаточно; но эти данныя имѣ мало проанализированы и не вполне использованы. Языкъ сочиненія для иноземца можетъ быть признанъ хорошимъ. Вообще, свидѣтельствуя о достаточной подготовкѣ автора къ ученой работѣ, сочиненіе г. Вергова вполне даетъ ему право на полученіе кандидатской степени“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Сочиненіе состоитъ изъ *введенія*,—*шести главъ* и небольшого заключенія.

Во *введеніи* авторъ указываетъ на важность изученія ересей, какъ имѣвшихъ тѣсную связь съ внутреннимъ развитіемъ христіанской церкви, и дѣлаетъ краткое критическое обозрѣніе источниковъ и пособій, относящихся къ предмету своего изслѣдованія—ереси богомилской.

Первая глава посвящена выясненію причинъ и условій, подготовившихъ богомилство. Здѣсь сначала плетъ рѣчь о восточныхъ сектахъ—гностицизма, манихейства и павликіанства, — имѣвшихъ въ основѣ своей черты сходныя съ богомилствомъ; затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о вѣрѣ и бытѣ древнихъ славянъ, такъ какъ богомилство, по словамъ автора, будучи „плотью отъ плоти и костью отъ кости южнаго славянства“ несомнѣнно внесло въ свое догматическое, этическое и социальное ученіе элементы славянскіе, и наконецъ трактуется о состояніи христіанства въ Болгаріи предъ появленіемъ въ ней богомилства.

Во *второй* главѣ говорится о появленіи богомилской ереси сначала въ Болгаріи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ—Византіи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, Румыніи, Россіи, Италіи, Франціи, Германіи и Англіи,—причемъ авторъ, по возможности, старается указать и на причины, содѣйствовавшія успѣху еретической пропаганды въ означенныхъ странахъ.

Въ *третьей* и *четвертой* главахъ съ достаточною полнотою и обстоятельностью трактуется о вѣроученіи, культѣ и бытѣ богомилловъ.

Въ *пятой* главѣ авторъ говоритъ о пользованіи богамиловъ библіею и обозрѣваетъ важнѣйшіе апокрифы, особенно чтимые еретиками.

Въ *шестой* главѣ излагается историческая судьба богомилства.

Общіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ по изслѣдованіи взятой имъ для разработки темы, состоятъ въ слѣдующемъ

„Въ Болгаріи богомилство явилось результатомъ церковныхъ и гражданскихъ неурядицъ. Тѣ же причины содѣйствовали распространенію его на Востокъ и Западъ.—Въ основѣ богомилскаго ученія (догматическаго, этическаго и соціальнаго лежить: св. Писаніе (понимаемое своеобразно, мистически), идеи гностическія, манихейскія и павликіанскія, древне-славянскій дуализмъ и славянскія демократическія начала.—Своею проповѣдью о свободѣ совѣсти, о евангельскомъ равенствѣ и богатствѣ богомилство способствовало распространенію реформаціоннаго движенія въ Западной Европѣ“.

Разсматриваемое сочиненіе производитъ благопріятное впечатлѣніе. Авторъ хорошо ознакомился съ предметомъ изслѣдованія и обнаружилъ достаточный навыкъ къ научнымъ работамъ. Литературная отдѣлка сочиненія почти безупречна (кое гдѣ встрѣчается только неточность въ выраженіяхъ). Степени кандидатъ авторъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ“.

7) О сочиненіи студента Сергѣя *Веселовскаго* на тему:

„Оцѣнка религіозно-нравственныхъ воззрѣній Н. В. Гоголя съ точки зрѣнія нравоученія православной церкви“.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

Въ довольно обширномъ (1—18 стр.) введеніи къ разсматриваемому сочиненію, написанномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы „возможно точно указать границы“, которыхъ авторъ намѣренъ дер

жаться въ своей работѣ (стр. 3), задача сочиненія опредѣляется такъ: „Имѣя въ виду главнымъ образомъ сдѣлать оцѣнку религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ Н. В. Гоголя, насколько эти послѣднія открываются изъ произведеній послѣдняго періода, изъ писемъ и тѣхъ источниковъ, на которые мы находимъ указаніе въ его письмахъ, а также въ недавно сдѣлавшемся достояніемъ изслѣдователей его рукописномъ сборникѣ выписокъ изъ разныхъ духовныхъ книгъ и журналовъ, мы постараемся произвести эту оцѣнку путемъ установленія общихъ и заправляющихъ чертъ его духовной структуры“ (17—18). Едва ли такую постановку дѣла можно признать ясной и опредѣленной: почему авторъ, ограничивая кругъ привлекаемыхъ къ разсмотрѣнію „произведеній“ Гоголя произведеніями послѣдняго періода, не дѣлаетъ такого же ограниченія по отношенію къ его письмамъ? Далѣе. „Путемъ установленія общихъ и заправляющихъ чертъ духовной структуры“ Гоголя можно многое *объяснить* въ особенностяхъ его религіозно-нравственного міросозерцанія, но что касается объективнаго критерія для *оцѣнки* этого міросозерцанія, то такой критерій указать автору въ самой темѣ его сочиненія: это—нравоученіе православной церкви. Какъ бы то ни было, и смысломъ темы, и содержаніемъ авторскаго введенія читатель предрасполагается къ тому, чтобы встрѣтить въ сочиненіи полную систематизацію религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя или—лучше сказать—возсозданіе того религіозно-нравственного міросозерцанія, которое, нашедши свое прямое выраженіе въ дидактическихъ сочиненіяхъ Гоголя „послѣдняго періода“, формировалось въ теченіе всей его жизни и отразилось такъ или иначе и въ его художественныхъ произведеніяхъ (авторъ знаетъ и отмѣчаетъ это въ своемъ сочиненіи): прежде чѣмъ *оцѣнивать* религіозно-нравственные воззрѣнія Гоголя, надо ихъ систематизировать. Однако ожиданія читателя не оправдываются въ полной мѣрѣ. Правда, въ первой главѣ изслѣдованія авторъ прямо ставитъ себѣ задачей—*„всесторонне по возможности очертить религіозно-нравственное міровоззрѣніе*

нашего писателя“ (69), но именно всесторонности—то и не
 стаеть представленному имъ очерку. Такъ, говоря о религіоз
 теоретическихъ воззрѣніяхъ Гоголя, авторъ не считаеть нужнъ
 остановиться на разсмотрѣніи того вопроса, примирялись-ли
 сознаніи Гоголя тѣ черты, съ которыми выступаетъ Богъ
 его письмахъ и другихъ произведеніяхъ: Онъ представляе
 Гоголю то всеблагимъ Отцемъ, объемлющемъ всѣхъ лю
 Своєю любовію, то грознымъ Судією нашихъ поступковъ и
 мысловъ. А что касается нравственно-практическихъ воззрѣ
 Гоголя, то въ ихъ изложеніи авторъ идетъ по слѣдамъ так
 изслѣдователей, какъ проф. Линвиченко и въ особенности Ш
 рокъ, съ особенною силою выдвигая мысль Гоголя о спасите
 ности страданій, выпадающихъ на долю человѣка. Вслѣдъ
 Шенрокомъ авторъ готовъ считать эту мысль *основою* нр
 ственнаго міровоззрѣнія Гоголя, тогда какъ она представля
 одну изъ *частныхъ* мыслей въ ряду другихъ ингредиентов
 разсматриваемаго міросозерцанія, выдвигаемую—правда—у Го
 ля чаще другихъ въ силу ея практической важности. Мож
 ыть, авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы при изложеніи нра
 ученія Гоголя отдалъ предпочтеніе схемъ профессора Лин
 ченко, которая полнѣе и содержательнѣе схемы Шенрока. Т
 да, можетъ быть, авторъ остановился бы въ данномъ мѣстѣ
 выясненія ученія Гоголя какъ о нравственной *задачѣ*, пос
 вленной Промысломъ человѣку, русскому народу, человѣчест
 такъ и о тѣхъ *средствахъ*, при помощи которыхъ може
 быть осуществлена эта задача. Въ связи съ этимъ пришл
 бы разъяснить взгляды Гоголя по вопросу о сравнительно
 значеніи въ процессѣ осуществленія людьми нравственной за
 чи, поставленной имъ Промысломъ, — (о значеніи) личнаго и
 двига и общественныхъ учрежденій, церкви и государства, пр
 вославія и католичества и т. д. Къ сожалѣнію, авторъ остав
 отмѣченные пункты безъ обслѣдованія. Правда, въ дальнѣ
 шемъ изложеніи мы находимъ нѣсколько цѣнныхъ данныхъ, и
 споволующихъ проблемъ первой главы, которая — по мысли автора —

должна бы включать въ себя „всестороннее“ изображеніе религіозно-нравственнаго міросозерцанія Гоголя; но при такой постановкѣ дѣла читателю приходится самому выполнять ту работу, которая лежала на обязанности автора, т. е. сводить въ одно цѣлое матеріалъ, собранный и затѣмъ разбросанный авторомъ по разнымъ главамъ, при чемъ всетаки остается мѣсто сомнѣнію въ исчерпывающей полнотѣ авторскихъ указаній—особенно въ виду того, что нерѣдко г. Веселовскій положительно скупится на документальныя сиравки (см., напр., стр. 91, 119). Конечно, не было нужды вносить въ текстъ сочиненія весь матеріалъ по данному вопросу, заключающійся въ произведеніяхъ Гоголя, но точное и при томъ исчерпывающее указаніе тѣхъ мѣстъ въ этихъ произведеніяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ данныя для возсозданія религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія Гоголя, не повредило бы—думается—достоинству сочиненія, посвященнаго *спеціальному* изслѣдованію даннаго предмета.

Итакъ, въ сочиненіи г. Веселовскаго напрасно было бы искать не только полноты въ указаніи матеріала, относящагося къ темѣ (на это авторъ и не претендуетъ), но и всесторонности въ изложеніи религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя, что авторъ считаетъ—и справедливо—своею прямою задачей. Очевидно, вниманіе автора отъ систематизаціи собраннаго имъ матеріала было отвлечено въ другую сторону. Посмотримъ, что даетъ намъ разсматриваемое сочиненіе.

Въ первой главѣ, предварительнаго изложенія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя, авторъ даетъ обзоръ и сравнительную оцѣнку тѣхъ источниковъ, которые знакомятъ насъ съ этими воззрѣніями, при чемъ съ особенною подробностью останавливается на рукописномъ сборникѣ выписокъ изъ произведеній духовной литературы, принадлежащемъ Гоголю (сборникъ впервые обследованъ въ рефератѣ Н. И. Петрова „Новые матеріалы для изученія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя“). Знакомство съ сборникомъ, только въ прошломъ го-

ду сдѣлавшемся достояніемъ науки (благодаря только что указанному реферату), дало автору возможность внести въ свое сочиненіе такія данныя, которыми не располагали предшествовавшіе изслѣдователи жизни и творчества Гоголя. Въ концѣ главы авторъ путемъ сопоставленія (довольно, впрочемъ, бѣлаго) произведеній Гоголя съ тѣми произведеніями духовныхъ писателей, которые отмѣчены въ „сборникѣ“, устанавливаетъ „фактъ близкаго сродства между моралью Гоголя и нравственнымъ ученіемъ бывшей у него подъ руками духовной литературы“ (стр. 134). Указанный фактъ можно объяснить или тѣмъ, что „духовная литература оказала рѣшительное дѣйствіе на міросозерцаніе Гоголя“, или же тѣмъ, что „міросозерцаніе Гоголя близко подходило къ характеру духовной литературы, съ которой онъ познакомился въ послѣдній періодъ своей жизни“ (стр. 134). Подробное изслѣдованіе „вопроса о переломѣ въ жизни и дѣятельности Гоголя“, которому посвящена вторая глава, приводитъ автора къ тому заключенію, что въ жизни Гоголя не было рѣшительнаго перелома, что его религіозно-нравственное міросозерцаніе, изложенное въ „Перепискѣ съ друзьями“ и другихъ произведеніяхъ послѣдняго періода, постепенно развилось изъ тѣхъ задатковъ, которые находятся еще въ юношескихъ письмахъ Гоголя и что—слѣдовательно—знакомство съ духовной литературой не произвело переворота въ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ Гоголя: оно послужило лишь къ укрѣпленію того настроенія, которое создалось раньше. Такъ какъ въ этой главѣ идетъ рѣчь о тѣхъ факторахъ, которые такъ или иначе воздѣйствовали на духовное развитіе Гоголя, то можно бы здѣсь ожидать разъясненія вопроса о взаимоотношеніи между воззрѣніями Гоголя и первыхъ славянофиловъ, но авторъ не ставитъ этого вопроса. Въ третьей главѣ, послѣ выясненія пессимистическаго характера въ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ и душевномъ настроеніи Гоголя, авторъ дѣлаетъ оцѣнку религіознаго настроенія и религіозно-нравственныхъ воззрѣній „великаго меланхолика“: первое оцѣниваетъ

главнымъ образомъ по его вліянiю на художественное творчество Гоголя, вторыя—черезъ приложеніе къ намъ того масштаба, который дается православнымъ правоученіемъ.

Основныя положенія, раскрываемыя во второй и третьей главахъ, достаточно обоснованы и не подлежатъ спору. Напрасно только авторъ въ иныхъ мѣстахъ смущаетъ читателя довольно неожиданными переходами отъ одной мысли къ другой: рѣчь о томъ, слѣдуетъ ли считать Гоголя консерваторомъ по его убѣжденіямъ (стр. 252), или вопросъ о томъ, въ чемъ и какъ проявился аскетизмъ въ натурѣ Гоголя (стр. 265), не стоятъ въ прямой связи съ предшествовавшимъ изложеніемъ. Порою авторъ даетъ не то, что обѣщаетъ: вмѣсто того, чтобы, согласно своему обѣщанію, данному на стр. 148-ой—познакомить читателя съ исторіей вопроса о переломѣ въ духовномъ развитіи Гоголя, авторъ излагаетъ различные взгляды на цѣнность послѣдняго періода въ литературной дѣятельности этого писателя, при чемъ напрасно смѣшиваетъ Константина Аксакова съ его братомъ Иваномъ (стр. 224). Едва ли можно согласиться съ авторомъ въ томъ, что „Переписка“ представляетъ собою какъ бы исповѣдь Гоголя: это не исповѣдь, а проповѣдь. Все это—частности, на которыя указываю на тотъ конецъ, если бы авторъ вздумалъ продолжить работу надъ своимъ сочиненіемъ. Если же взять сочиненіе г. Веселовскаго въ цѣломъ, то слѣдуетъ признать его трудомъ очень удовлетворительнымъ: авторъ сумѣлъ проникнуть въ душевное настроеніе Гоголя и правильно опредѣлить цѣнность его религиозно-нравственныхъ воззрѣній. Собственное міросозерцаніе автора выступаетъ въ сочиненіи со стороны его широты и научно-богословской обоснованности. Тонъ рѣчи—серьезный, вполне соответствующій важности предмета. Авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

б) Заслуж. ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Тема сочиненія вызвана была обнародованными въ прошломъ году свѣдѣніями о неизвѣстномъ дотоѣ сборникѣ вы-